2. Ганич І.Д., Олійник І.С. Словник лінгвістичних термінів. – К.: Вища шк., 1985. – 360 с.

3. Самійленко В. Дбаймо про фонетичну красу мови / В. Самійленко // Урок української. – 2003. – №2.

4. Український правопис / Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні НАН України, Ін-т укр. мови НАН України. – К.: Наук. думка, 2007. – 288 с.

5. Ващенко В. С. Стилістичні явища в українській мові. Ч. 1. – Х.: Вид-во ХДУ, 1958. – 228 с.

УДК 811.161.1'42

Дрянгина Е.А.
(Саранск, Россия)

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВО-КОГНИТИВНОГО УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ М.В. ЛОМОНОСОВА КАК АВТОРА «РОССИЙСКОЙ ГРАММАТИКИ»

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-34-01212 а2 «Роль языковой личности грамматистов XVI - XVIII вв. в развитии русской лингвистической науки».

Стаття присвячена виявленню яскравих характеристик мовної особи М.В. Ломоносова як автора «Російської граматики». На основі аналізу використовуваної лексики реконструюються основні особливості лінгво-когнітівного рівня в структурі мовної особи автора.

Ключові слова: *мовна особа, М.В. Ломоносов, лінгво-когнітівній рівень, лексика, мовна картина світу.*

Статья посвящена выявлению ярких характеристик языковой личности М.В. Ломоносова как автора «Российской грамматики». На основе анализа используемой лексики реконструируются основные особенности лингво-когнитивного уровня в структуре языковой личности автора.

Ключевые слова: *языковая личность, М.В. Ломоносов, лингво-когнитивный уровень, лексика, языковая картина мира.*

The article is devoted to detection of bright characteristics of the language personality of M.V. Lomonosov as author of «The Russian grammar». On the basis of the analysis of used lexicon the main features of lingvo-cognitive level in structure of the language personality of the author are reconstructed.

Key words: *language personality, M.V. Lomonosov, lingvo-cognitive level, lexicon, language picture of the world.*

© *Дрянгина Е.А., 2012*

Изучению языка М.В. Ломоносова посвящен целый ряд трудов. Один из обзоров, например, представлен в статье Л.И.Тепловой «Словари языка М.В. Ломоносова» [1]. Однако для лингвистики последних десятилетий характерна антропоцентрическая направленность. В связи с этим актуальным является не просто описание используемых языковых средств, а реконструкция языковой личности автора, выявление ее ярких особенностей.

Представляется сомнительным дать полное описание языковой личности М.В. Ломоносова в рамках одной статьи. Выявлению всех особенностей должна быть посвящена целая монография. Мы лишь выделим характерные черты лингво-когнитивного уровня многогранной, богатой, самобытной языковой личности великого ученого как автора «Российской грамматики».

О ценностном отношении М.В. Ломоносова к предмету изложения, о том, что содержание грамматики для него непросто сухая наука говорит обилие оценочной лексики не только в примерах (*чистая*, *дурное, великое*, *истинный*, *посмотри на болвана, то ест на глупца, нашего мЪшка обманули*, *великій, сильной*, *самой скверной, самой точной*, *хуже*, *плохъ, больше, малъ, доброхотенъ, милостивъ, красенъ, пригожъ*, *хорошо, худо, удобно, истинно, подлинно, нечаянно, славно*, *о правде*, *достойно воздаянія, любезно Богу и людямъ*, *тото дорогая вещь*), но и в текстах самих наставлений (*недивно*, *«сии различия ... букв должно почитать только общими и первоначальными»* [2: 402], *«скучные повторения одного речения»* [2: 406], *«Всех сих времен знаменование должно быть во всяком языке довольно. Меньшее число недостаток, большее избыток причиняет»* [2: 414], *«... российская грамматика есть знание, как говорить и писать чисто российским языком по лучшему, рассудительному его употреблению»* [2: 420], «*по вознесении ИисусовЪ … есть зрению тяжко»* [2: 422], «*Худые примеры не закон*, *ибо сие употребление буквы и вместо я произошло от безрассудного старания, чтобы…»*; *«Для того не должно в российский язык вводить несвойственных безобразий, каковые в истинныи извЪстіи и во многих подобных не без отвращения чувствительны»* [2: 433], *«питающъ, питавшъ слуху досадны»* [2: 549] *«... унизительное знаменование имеют и происходят... от посмеятельных прозвищей: чесночиха, волчиха, болваниха*» [2: 472], *«Говорят иные: хочемъ, хочете, хочутъ, однако непристойно»* [2: 533], «*свою книгу – сказано со властию; покажи своей книги – речь учтивее»* [2: 561], *«...весьма развратно»* [2: 572] и т.д.).

Интересно, что в наставлениях встречаются формулировки, передающие непосредственно субъективную оценку, что в настоящее время считается недопустимым: «Но, видя коль странно и дико сие кажется перед *избытокъ, разрыть, сколачиваю*…, мне кажется, должно признаться, что для привычки перед мягкими *з, воз, из, раз*, перед твердыми *с, вос, ис* надлежит оставить» [2: 435], «… обоих букв *е* и *я* во всех родах употребление позволяется, хотя мне и кажется, что *е* приличнее в мужеских, а *я* в женских и средних» [2: 442], «В высоких стихах можно, по моему мнению, с рассуждением некоторые принять» [2: 567]. Для Ломоносова вообще характерно использование вводных конструкций, передающих личностное отношение: «Вновь вымышленное или, справедливее сказать, старое *е*… в российском языке не нужно…» [2: 422], «Однако таковым производным последует немало, повидимому, первообразных…» [2: 511] и т.д.

Еще одной характерной чертой языковой личности М.В. Ломоносова как автора «Российской грамматики» является постоянное сравнение российского языка с другими

языками, что указывает на ее полилингвальность: подобные характеристики возможны лишь при условии владения другими языками (что подтверждается историческим фактом – письменным ответом ученого на запрос, какими и в какой степени владеет он иностранными языками. Документ датирован 1760 годом и написан собственноручно Ломоносовым. Те языки, которые он знает в совершенстве, были помечены им крестиком – их насчитывалось одиннадцать (португальский, испанский, французский (х), английский (х), ирландский, немецкий (х), голландский, датский, норвежский, шведский, итальянский (х), польский (х), чешский, болгарский, венгерский (х), монгольский, финский, литовский, ливонский (т. е. латышский и эстонский), чухонский, румынский, еврейский (иврит)(х), греческий (х), словенский (х), турецкий, татарский, сербский, пермский, русский (х)). На остальных же языках Ломоносов читал без словаря и мог вполне сносно разговаривать и понимать).

В тексте грамматики приводятся примеры из латинского, италиянского, греческого, французского, немецкого, китайского, турецкого, еврейского (в тексте, наименование «иврит» ни разу не встретилось) языков. Перечислить все цитаты не представляется возможным, так как на одной странице может встречаться по 2-3 сравнения русского языка с другими языками: *«… многие азиатические, африканские и американские народы, которых языки больше на шум других животных, нежели на человеческий разговор, походят, как о том многие описания путешественников свидетельствуют»* [2: 398], *«У греков р картавые и шепеляватое были не погрешности, но свойственное употребление всего народа, и для того употреблялись у них особливые буквы …, которая от первых сочинителей славенской азбуки в нее внесены напрасно, ибо она славянам и россиянам столько ненадобна, как французам ч или ы, немцам ж, китайцам р, которых выговора в своих языках они не имеют»* [2: 401]; *«Латинского языка имена склоняются действительно шестью падежами. Греки довольствуются пятью, употребляя дательный купно с творительным. Немцы, французы, италиянцы и другие европейские народы, которых языки от латинского и от древнего немецкого происходят, хотя шестой падеж в грамматических примерах и поставлют, однако от родительного первых или дательного других ничем он не разнится…»* [2: 412], «*У турков и персов имена все одного общего рода»* [2: 413], *«… откуду происходит, что разные языки разное число спряжений имеют: греческий, латинский и французский – четыре, российский – два, еврейский и немецкий – одно…»* [2: 417] и т.д. Достаточно часто встречается и непосредственное написание на другом языке: «*Е* в *единъ* произносится, как у немцев *je* в *jeder*, *ю* в *юношествЪ*, как *ju* в *Jugend*, … и имеют силу двоегласных. Напротив того, *Е* в *небо*, как *e* в *Nebel*, *ю* в *лютость*, как у французов *u* в *lutter*, *я* в *погоня*, как *a* в *il gagna*, суть чисто самогласные буквы» [2: 424], «*Слушаю* значит *audio*, а *слушаюсь – obedio, повинуюся*» [2: 509] и т.д.

Помимо сравнения российского языка с иностранными Ломоносов соотносит его со славенским: *«Присем примечать надлежит, что деепричастия на ючи пристойнее у точных российских глаголов, нежели у тех, которые от славенских происходят; и, напротив того, деепричастия на я употребительнее у славенских нежели у российских»* [2: 499], *«Действительного залога времени настоящего причастия, кончающиеся на щій, производятся от глаголов славенского происхождения: вЪнчающій, пишущій, питающій, а весьма непристойно от простых российских, которые у славян неизвестны: говорящій, чавкающій»* [2: 546], *«Восклицательное о! у славян полагается с роди-*

тельным падежом: о чуднаго промысла! Но россиянам свойственнее именительный: о чудный промыслъ!» [2: 574] и т.д. Но славенский язык уже не является доминантным.

Такое же внимание М.В. Ломоносов уделяет и разграничению разговорной и книжной лексики: *«Сие произношение больше употребительно в обыкновенных разговорах, а в чтении книг и в предложении речей изустных к точному выговору букв склоняется. Притом примечать должно, что буквы е и Ъ в просторечии едва имеют чувствительную разность, которую в чтении весьма явственно слух разделяет…»* [2: 427], *«В просторечии ь больше, нежели в письме, изображается промеж другими буквами: твердитъ пишем, а выговариваем тверьдитъ»* [2: 433], *«Как во многих других случаях, так и здесь наблюдать надлежит, что в штиле высоком, где российский язык к славенскому клонится, окончание на Ъ преимуществует: очищенное въ горнЪ злато; ... но те же слова в простом слоге или в обыкновенных разговорах больше в предложном у любят: мЪдь въ горну плавить…»* [2: 461] и т.д.

Следует заметить, что высказывания, раскрывающие ценность языка на лингво-когнитивном уровне можно выделить и в составе самих наставлений, и среди примеров. Так, Ломоносов против того, чтобы русский алфавит подстраивался под чужие языки: *«для чужестранных выговоров вымышлять новые буквы весьма негодное дело, когда и для своих разных произношений нередко одною пронимаемся..; 3) ежели для иностранных выговоров вымышлять новые буквы, то будет наша азбука с китайскую; 4) и таково же смешно, по правде, покажется, если бы для подлинного выговору наших речений, в которых стоит буква ы, оную в какой-нибудь чужестранный язык приняли или бы вместо нее новую вымыслили»* [2: 422], подчеркивает благозвучие: *«Московское наречие не токмо для важности столичного города, но и для своей отменной красоты прочим справедливо предпочитается, а особливо выговор буквы о без ударения, как а, много приятнее…»* [2: 430], сожалеет, что нельзя сформулировать правила, которые бы охватили все явления русского языка: *«Но тену, яму вместо тяну, ему непростительны, и сожалетельно, что для избежания сих погрешностей не можно предписать других правил, кроме прилежного учения российской грамоте и чтения книг церковных, без чего и во всем российском слове никто тверд и силен быть не может»* [2: 431], *«….которым не по правилам, но по употреблению учиться должно»* [2: 475], указывает на ценность грамматики и церковных книг: *«хотя природное знанiе языка много можетъ; однако грамматика показываетъ путь доброй натурЪ»* [2: 436], *«…славенские речения больше позволяют употребление возвратных вместо страдательных, к чему требуется прилежное чтение и довольное разумение книг церковных»* [2: 563].

Примеры ученого свидетельствуют о том, что он хорошо знал историю и творчество великих поэтов, ораторов: *«Посему вымышленные от Голдберга в земли живущие люди, когда бы действительно были и имели бы вместо органов, к произнесению служащих, на груди своей струны, то могли бы оными свободно изображать и с другими сообщать свои мысли»* [2: 396]. *«Употребление букв е и я в прилагательных множественного числа всех родов в великороссийском языке от начала исторических и других писателей московских, а особливо от времен великого государя царя Иоанна Васильевича и до нынешнего времени непрерывно было и ныне от знающих писателей содержится»* [2: 432], *«въ полкахъ стократно раздается: великiй Петръ изъ мертвыхъ всталъ»* [2: 437], *«Гомеръ писалъ о гнЪвЪ АхиллесовЪ»* [2: 480], *«Касторъ и Полуксъ, рожденные от Леды;*

любезные мои Цицеронъ и Виргилій» [2: 554], *«старшаго всѢхъ стихотворцевъ читаю Гомера»*; *«Дарій побѢжденъ отъ Александра, но убитъ отъ своихъ рабовъ»* [2: 561], *«Сарданапалъ жилъ свиньею; Семпроній слыветъ сильнымъ»* [2: 564], *«кто основалъ Римъ? Ромулъ; кто оставилъ Тиръ? Дидона»* [569], *«въ десять лѢтъ взята Троя»* [2: 577] и т.д.

Однако следует заметить, что среди примеров имен, названий городов и т.д. преобладающими являются российские наименования: *Яков, Федоръ*, *Петръ, Семенъ*, *Анна, Козма, Никита*, *Власъ*, *Иванъ, Володимеръ, Лука, Татьяна, Анисья, Тимофей, Ермолай, АлексѢй, Макар, Николаевъ*, *Авдотья, Дунька*, *Агриппа, Единбургъ*, «и в иностранных, кончащихся на *ургъ*: *Санктпетербургъ, Марбургъ*» [2: 427], *Серпуховъ, Годуновъ, Ржевъ, Лихвинъ, Скопинъ, Тобольскъ*, *Преображенское, Тушино, Осташково, Орелъ, Ростовъ, Михайловъ, Ярославль, Звенигородъ, Кашинъ, Москва, Кострома, Вологда, Вятка, Двина, Пинега, Вага, Ладога, ОнѢга, Тферь, Смоленскъ, Изборскъ, Клинъ, Можайскъ, Верея, Холмогоры, родился въ МосквѢ; жилъ въ КіевѢ; учился въ Германіи, Франціи и Англіи, у города Архангельскаго, въѢхать въ Кіевъ; отправиться на Польшу, Ѣхать на Вятку, на Покровку, на Охту, плылъ Двиною* и т.д.

Заметно сузился круг примеров с религиозной семантикой: *господь*, *рай*, *соборъ*, *по вознесеніи ІисусовѢ*, *святый*, *Богъ, Божество, божусь, духъ*, *воскресеніе*, *храмъ*, *мощи*, *библея*, *келья*, *святаго духа, Ангельскаго гласа*, *Самодержецъ, Творецъ*, *Христосъ*, *поставленъ въ игумны, посвященъ въ попы, выбранъ въ цѢловальники*, *обоготворяю*, *обвѢнчалъ*, *крещу, пощусь, грѢшу, кадилъ*, *отъ грѢха*, *столпъ церкви*, *десять заповѢдей* и т.д.

Возможно, это объясняется тем, что в XVIII в. церковь несколько потеряла свое влияние. Кроме того Ломоносов, получая образование за границей, проникся духом европейского естествознания, европейской философии, немецкого протестантизма. Отсюда его светский брак и венчание лишь через год с лишним (после рождения дочери), конфликт 1757 года со Святейшим синодом (духовная цензура не допустила к печати русский перевод поэмы Александра Поупа «Опыт о человеке», сделанный учеником Ломоносова, молодым профессором Николаем Никитичем Поповским; Ломоносов же участвовал во всем деле перевода и публикации Поупа), предложение перенести Великий пост подальше – ради более здорового питания при выходе из него и т.д. Однако это не значит, что вера была им утрачена: *«Но коль велика творческая премудрость: одарил нас словом, одарил слухом! Определенные к ним члены коль хитро устроены, невозможно и помыслить без удивления о неизреченном разуме, без глубочайшего благоговения и благодарения к щедрости всевышнего строителя мира»* [2: 395], *«Начало премудрости есть страхъ Господень»* [2: 418], *«небеса великолѢпіемъ, земля плодородіем, море изобиліем повѢдаютъ славу Божію»* [2: 436], *«Кто Бога не боится, тотъ людей бояться долженъ», «непостижимъ Богъ»* [2: 437], *«Богъ есть прославляемъ»* [2: 482]; *«хотя всегдашними снѢгами покрыта сѢверна страна, но Богъ межъ льдистыми горами великъ своими чудесами»* [2: 573].

Большая же часть примеров, так или иначе, связана с человеком, что указывает на то, что в языковой картине мира М.В. Ломоносова человек занимал центральное место. Можно выделить ряды слов, связанные с телом человека: *очи*, *рука*, *волосъ, сердце*, *сплю*, *смотрю*, *плечо, перстъ, теменъ, ногти, гласъ*, *потѢю, дѢвственникъ, тѢлесный*, *бока, глаза*, *кровь*, *валдырь, пупырь*, *голени*, *лицо*, *нога, перепонка*, *шея*, *желудокъ, мизинецъ*,

крестецъ, *ребро, ухо*, *зубокъ, голова*, *слеза, пята* и т.д.; обозначением процесса мышления: *знаю*, *думаю*, *вЪдаю*, *мышлю, множу*, *рЪшу*, *познаешь*; труда: *мою, клею, дою, строишь*, *труждy, стригу, колю, полю, мощу, вяжу, рЪжу, пашу*, *пеку, брЪю, сЪю, шью, лью*, *тку, мету*, *толокъ, копаю*, *тушу*, *квашу, кошу*, *копчу, крашу*, *скоблю, строчу, сушу, утюжу* и т.д.; родственных связей: *мужъ, жена, дитя*, *съ братомъ*, *дядя*, *сынъ*, *шуринъ*, *кумъ*, *мать, дочъ*, *снохинъ* и т.д.; титулов: *господинъ, госпожа*, *государь*, *княгиня*, *Царь, Князь, Бояринъ*, *Королева* и т.д.; профессий: *воинъ, судья, крестьянинъ, купецъ, строитель, косарь*, *воевода*, *проводникъ*, *гонецъ, чтецъ*, *стряпчей, кравчей*, *пастухъ, генерал, мастеръ*, *полковница, совЪтница, постелница, порутчица, черница, воеводша, управительша, «Иностранные имена, чины значащие… фельдмаршальша, генеральша, гофмейстерша, брегадирша, капитанша, капральша», перевозщица, шапошница, хлЪбница, колашница, кузнечиха, сапожничиха* и т.д.; обобщенные наименования человека: *прохожий*, *человЪкъ*, *девушка*, *людей*, *бабище, бобыль*, *мужичини, старичина, дЪтинище*, *однородецъ, богомолецъ, прошлецъ, отрокъ*, *проЪжжей*, *щеголь*, *трое бЪглыхъ, девятеро разбойников*, *молодцу*. Вероятно, это можно обосновать тем, что для XVIII века было характерно обращение к человеку (в литературе, живописи, скульптуре, культуре в целом). А М.В. Ломоносов был сыном своего века.

Традиционно, в статьях, посвященных ученому, подчеркивается его удивительная работоспособность, достижения в разных областях знания и т.д. Таким образом, создается портрет ученого мужа, полностью поглощенного только лишь своей деятельностью. Однако М.В. Ломоносов был человеком импульсивного склада, душевное беспокойство соединялось в нем с возбужденностью ума, по характеру неистов, силач и грубиян, он не терпел никакого стеснения и тем более насилия над собой. Данные черты находят отражение в определенном пласте лексики, обозначающей эмоции и качеств человека*: чудимся, дивиться*, *ненавидЪть*, *люблю*, *ликуй*, *лень*, *добръ*, *ужасный, чудный*, *страсть*, *о злодЪЪ*, *плакса, пьяница, ханьжа*, *ярость, жаль*, *добродЪтель*, *кротокъ, веселъ, смиренъ*, *страшенъ*, *гадокъ*, *слажду, тужу, тЪшу, мщу, ржу, алчую, трепещу*, *каюсь, смЪюся*, *горюю, реву*, *ахаю*, *ожесточалъ, робЪю*, *негодую, радуюсь, прощаю*, *огорчать*, *торжествующий*, *блажу, дорожу*, *стыдъ*, *бодрю, боюсь, терплю*, *бЪшусь*, *горжусь, грежу, кручинюс*, *досмЪялся до слезъ*, *ко всЪмъ ласковъ, съ лицемЪрами ханьжить* и т.д.

С филологической составляющей языковой личности М.В. Ломоносова связывается приведение в качестве примеров слов, обозначающих речевую деятельностью: *клятва*, *хвалю*, *пишу*, *шутка*, *справка, надпись, книжка, разглашаю, благодарю, благославляю*, *говори*, *бесЪда*, *молю, орю, объявляю*, *рЪчь*, *глаголь, пЪсня*, *обращать языкъ*, *охаю, прекословлю*, *читалъ*, *ною*, *зову, острю, спорю, кличу, лепечу*, *баю*, *лгу, болтаю, хвастаю*, *ругаю*, *жалуюсь*, *толкую*, *глашу, браню, брюжжу, ворчу, кричу* и т.д.

В тексте «Российской грамматики» можно выделить целый ряд примеров, составляющих основные жизненные принципы М.В. Ломоносова: *«на всЪхъ вопросы не отвЪтствую: всякой глупецъ больше можетъ спрашивать, нежели премудрой и смысленной отвЪтствовать»* [2: 437], *«доколЪ унывать? О странное дЪло!»* [2: 437], *«не смерти не грехов не бойся»* [2: 553], *«лгать – не наше дЪло»* [2: 555], *«имЪть товарища въ напасти есть нЪкоторое утЪшеніе»* [2: 556], *«свЪта яснЪе правда; всего любезнЪе добродЪтель»* [2: 559], *«кто хранитъ законы, законы сохранятъ его взаимно»* [2: 560], *«во всю жизнь со страстьми боремся духомъ; знаться съ добрыми людьми похваль-*

но» [2: 563], *«служить общей пользЪ; жалЪть пріятеля»; «надлежитъ презирать съ терпѢніемъ противности»* [2: 565], *«хранящий правду не боится враговъ»* [2: 566], *«не страшись бессильнаго гнѢва»* [2: 568], *«смиреніе никому не вредно, и такъ всѢмъ любезно»* [2: 573].

Многие высказывания М.В. Ломоносова звучат как афоризмы: *«много любезнѢъ мира сладость, нежели военная слава»* [2: 559], *«превысокое между древами больше подвержено стремленію вѢтровъ»* [2: 560], *«часто почитаетъ народъ несмысленныхъ разумными, беззаконныхъ добродѢтельными»* [2: 561], *«часто стыдъ преклоняетъ тѢхъ, которыхъ рассужденіе не побѢждало»* [2: 562], *«счастлива та земля, которой премудрая власть повѢлеваетъ»* [2: 569], *«что ослабило члены? трудъ; что изнурило твое сердце? любовь»* [2: 569] и т.д.; или предупреждения: *«взгляды, рѢчь и учтивость часто обольщаетъ»* [2: 556], *«не давай воли языку въ пированіи»* [2: 561], *«всякъ желаетъ чести, не всякъ получаетъ»* [2: 561], *«человѢкъ, которой былъ въ славѢ, того нынѢ весьма презираютъ»* [2: 569], *«про будущее никто не знаетъ; при счастіи друзей много»* [2: 572], *«пріобрѢлъ честь и славу; или похваляютъ, или поносятъ»* [2: 573].

В примерах проявляется и отношение автора к учебе и науке: *«Ученіе хотя трудно, однако пріятно»* [2: 553], *«стихотворство – моя утѢха; физика – мои упражненія»* [2: 555], *«у стихотворцевъ употребительнѢе нѢсколько грамматическія вольности, нежели у ораторовъ»* [2: 559], *«ищи ученія, благополучіе найдешь»* [2: 561] и т.д.; к деньгам и богатству: *«мы своих денегъ не жалѢемъ»* [2: 545], *«честнѢе малой праведной пожитокъ, нежели неправдою собранное богатство»* [2: 559], *«роскошь погружаетъ землю въ злоключеніи»* [2: 561], *«Крезъ много можетъ, потому что богатъ»* [2: 573].

Таким образом, для языковой личности М.В. Ломоносова как автора «Российской грамматики» характерно несколько основных особенностей: ценностное отношение к родному языку, своему труду; преподнесение сведений о русском языке в сравнении с другими языками, в том числе славенским; сужение круга религиозной лексики; формулирование ряда моральных принципов. В центре языковой картины мира М.В. Ломоносова – человек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теплова Л.И. Словари языка М.В. Ломоносова [Электронный ресурс] / Л.И. Теплова. – Режим доступа: http://www.msusevastopol.net/general/about/lomonosov/lom300_05.php

2. Ломоносов М.В. Российская грамматика / М.В. Ломоносов // Полн. собр. соч. Т. 7: Труды по филологии 1739-1758 гг. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952б. – С. 389–579.